

Эльвира ЗАВЬЯЛОВА

ПОЕЗДКА ПО ЕНИСЕЮ

Томские художники почти ежегодно летом-осенью отправлялись на натуру на север. Многие написанные В. Гроховским, Я. Пановым, В. Поповым, В. Череминым, А. Шумилкиным и другими пейзажи стали сибирской классикой, участвовали в многочисленных выставках, включая всероссийские, и вошли в музейные собрания. Прибывший в Томск в 1966 году Герман Завьялов пополнил их ряды. Он был страстным путешественником, и после поездок по большим и малым сибирским рекам рассказывал байки, которые передавались из уст в уста, но, к сожалению, их не успели записать.

Новые территории будущий художник сначала осваивал вместе с родителями-учителями, которые были организаторами национальных школ северных народов и часто переезжали с места на место. С детства прочно вошли в его жизнь реки, где традиционно располагались селения коренных жителей.

После окончания Московского художественного института имени В. И. Сурикова Герман выбрал город на реке, который к тому же был географическим центром страны, откуда открывался путь во все стороны света. Вскоре с друзьями он построил свой первый катер и отправился на север Томской области. В следующие десятилетия он писал и писал неяркую и суровую природу Нарымского края, создав его живописную летопись.

Но до Оби был Енисей. С него художник приступил к творческому освоению сибирских рек. Воспоминания участницы поездки Эльвиры Максимовны Завьяловой написаны через много лет, но сохраняют живую память о том незабываемом лете.

Л. О.

В 1962 году Герман задумал собрать коллектив ребят-художников из своих друзей в путешествие по Енисею на август – сентябрь. Самая красивая пора – осень, комаров уже нет, так как ночи стали прохладные, в тайге – рыжие пятна осенней листвы. Охота открыта, дичи много, рыбалка хорошая. Собирались-то многие, а поехали Виктор Семеняков (училищный друг), Махмуд-туркмен, весёлый парень (из группы института), хотел приехать Стрелов Миша, но какие-то дела задержали его в Москве, он обещал быть чуть позже, ну и, конечно, я, нигде не отстававшая от Германа. Он договорился с Курти-лешевым, своим училищным другом, жившим в Красноярске, у которого мы могли остановиться до отплытия.

Заранее Гера добыл где-то лоцманскую карту по Енисею с точно расположенными на ней посёлками по нашему маршруту. Он, конечно, за командира-капитана. Ребята решили сначала сшить парус. Все сидели на полу и сшивали куски прочного грубого, уже раскрашенного холста. Когда парус был готов, решили его расписать ликом Спаса Нерукотворного во всю верхнюю часть паруса. Очень красиво получилось! Изображение должно быть видно издале-

ка по реке. У всех были рюкзаки, этюдники, картон вместо холстов (полегче чтобы). Да, я очень благодарна сёстрам Куртилешева, которые организовали поход на Красноярские Столбы, это было незабываемое событие.

Мы там провели полтора дня.

Ночь была удивительная! По лесу до утра бродили олени из заповедника и звенели колокольчиками на шеях, подбирая остатки пищи от туристов, а мы жгли костерок в каменном гроте и разговаривали о красотах вокруг нас, о звёздах (небо было ясное) и, конечно, о долгожданной поездке.

И вот мы выехали на пароходике в Енисейск. Герман с друзьями решил лодку покупать в Енисейске, там они были дешевле, там же оборудовать её, а потом уже плыть. Впереди были большие енисейские пороги – река-то скалистая. Тут только опытные лоцманы проводили пароходик на надёжное русло реки. Таких больших порогов дальше не было за всю поездку, но маленькие были впереди. У Германа они были отмечены на карте, но он предупредил ребят, чтобы они мне не говорили о них, чтобы я не испугалась. Груз распределили по возможности, кто сколько унесёт. Кроме паруса, палаток были ружья, патроны, одежда, фуфайки, шапки и ещё много чего. Даже не представляю, как это всё они донесли (уже подзабыла).

Это была моя первая поездка как художника. А сколько их ещё будет в жизни... На этом пароходике всё тряслось от мотора (видно, хороший был мотор), ни сидеть, ни спать было негде с нашим грузом, и мы расположились на одном из его бортов, но там стояли бочки, с горючим, вероятно. Одна бочка выше, другие ниже, этакая лестница из четырёх бочек, и я, сморившись, легла на них и уснула. Плюс ещё тряска, моторный отсек был под нами. Но это молодость!..

Всё было уже оговорено между нами. Ребята по прибытии в Енисейск сразу кинулись к местным жителям выспрашивать, можно ли где-то купить дешёвую, но прочную большую лодку. Денег-то немного, все студенты. Жители подсказали. Осмотрев несколько лодок, выбрали одну, заплатив, сколько запросили. Ну теперь она наша на всю поездку.

Надо было её оборудовать, подремонтировать и устроить под хозяйственные нужды. Нос лодки самый сухой (он всегда над водой), осталось только сделать отсек с закрывающейся крышкой, а внутри – маленькие полочки для спичек, соли, чая. Крышка на двух петлях, а сверху обшили клеёнкой от дождя. Там были макароны, хлеб, сахар, одежда, патроны и т. п. Соорудили мачту, купили верёвки для перемещения паруса (вправо-влево), купили два весла и ещё одно для кормы, чтобы рулить. Поначалу занимался этим Герман, он был рулевым, но потом он обучил и ребят.

Надо было соорудить ящик, продувной, с полками, где хранились бы этюды (у всех ведь были масляные краски) и сохли на ходу лодки, но чтобы при этом и не мокли от дождя. Для этого по бокам приспособили спускающиеся клеёнки: когда дождь – спускали, сухо – поднимали.

И вот наутро мы отплыли, как первооткрыватели: радость в душе и неизвестное впереди. Гера ушёл ориентироваться по бакенам и по створам, я верила ему, и ребята тоже. Думаю, многое ребята узнали от него: как вести себя на реке, на охоте, на рыбалке и в походной жизни. Всем было интересно. Были и ещё пороги на реке, уже небольшие, но, чтобы не пугать меня, все молчали.

Плывём однажды, смотрю, а вода «кипит» под лодкой, я смеюсь, а ребята знали, и переживали на этом отрезке пути. Не помню, как назывались такие пороги, но местные жители говорили, что беды случались и на них. Мы прошли благополучно, все вздохнули. Хорошо, что я узнала о них много позже.

Русло Енисея прямое, не то что Обь, и под парусом идти одно удовольствие, не надо никакого мотора. Тишина, и только журчание за кормой. Слышимость на воде идеальная.

Вообще мощная река как бы вырублена и заполнена водой. Полноводная – залюбуешься! Один берег крутой, со скалами и тайгой, а другой более пологий и тоже с тайгой. Все берега усыпаны галькой, камушки чистенькие, промытые водой и обсушенные ветром, как будто мозаика. Стерильность в поездке обеспечена.

Приставать к берегу – одно удовольствие: выпрыгнули из лодки, и сухо кругом. Правда, для лодки плоховато, всё время трётся дно, но она была прочная. Выбрали хорошую большую лодку, длина её была метра 4,5–5. Как только приставали к берегу, сразу надо было ставить палатки и заготовливать дрова для костра, благо, они были везде по берегу, и сухонькие. А ребята, снабдив дровами малый костёр, на котором надо было приготовить пищу, начинали заботиться о большом костре. Все хотели есть, так как по реке проехали несколько часов. Я начинала готовить из того, что было: или дичь, или рыба, или грибы, или консервы. Чай был плиточный, калмыцкий, со сгущёнкой. До сих пор помню вкус этого чая: это был нектар, такая вкуснятина. Однажды высадились, и я обнаружила по всему берегу между камушками дикий лук с зелёными пёрышками. Попробовала: действительно, лук. У нас он называется «бузулук». Больше я о заправке супа насчёт лука не беспокоилась. Он рос по всем берегам.

На всю ночь надо было сделать большой костёр. Берега-то сухие, без ила и песка, и брёвна, которые плывут по реке, а потом их выбрасывает на берег, тоже сухонькие (их уже обдуло ветром). Ребята приносили бревна три, складывали их бок о бок по ветру в длину и поджигали. Они лежали, как в печке, и постепенно вместе горели. Горели они всю ночь, наутро оставался лишь маленький костёрчик. Вечером, когда сидели у костра, и светло, и тепло, и всю ночь можно спать спокойно, ни один зверь не подойдёт к палаткам до утра.

Но однако утром в лужице, в глине мы увидели следы медвежьих лап. Но, как нам показалось, они были давнишние. Страшновато. Также слышали на другой стороне реки рёв медведя, ведь осенняя пора, а у них время гона. Герман предупредил ребят, чтобы держали нож под подушкой, а ножи были у всех, чтобы можно было в любой момент разрезать палатку и выскочить, а ружья были под матрасом. Так что мы всегда пребывали в боевой готовности. И спали даже крепко, «без задних ног», так как умаялись за день, да ещё и этюды писали.

А красота кругом была дивная. Вошла я в лес и сразу села за этюд, дальше и не пошла, потому что и здесь было что писать. Написала приличный этюд с замшелыми деревьями, лесными грибами и зелёным мхом, а на земле гранит-скала просматривается.

Вспомнилось, был такой случай. Бурундучков много в тайге, очень они были красивые. Это зверьки меньше белки раза в три, с пушистыми хвоста-

ми. Собирая грибы, Гера вроде бы подбил одного, чтобы привезти в Москву как сибирский трофей. Положил его на ведёрочко с грибами, и он лежал... А потом, когда Герман отошёл, бурундук вскочил с ведра и убежал. Я это видела сама. Мы были рады, что он удрал. А пока я писала этюд в тайге, бурундучки посвистывали и глядели, как я пишу, сидя на дереве неподалёку. Очень любопытные зверьки. Больше Гера никогда не стрелял в них. Помню случай: пристали к берегу, а вдалеке так красиво опустились на воду два лебедя белоснежных. Я побежала к ним, а Герман так заорал на меня: «Не подходи, остановись!», что лебеди, побыв совсем немного, полетели дальше. Я ведь городской житель. Потом он объяснял нам, что лебеди летят на Юг, и когда они очень устанут, садятся в какой-нибудь лужице, чтобы отдохнуть и покормиться. И трогать их ни в коем случае нельзя. Об этом знают все на Севере от мала до велика.

Мне Герман тоже подарил охотничий нож в ножнах. У него был охотничий билет, а ножи мне нравились всегда, да и сейчас тоже. Где бы я ни путешествовала по заграницам, всегда посещала выставки с оружием и всегда рассматривала коллекции ножей. Красивые они. Наверное, я в другой жизни была воином. Но в то же время боюсь ножей, боюсь обрезать.

При удобном случае ребята рыбачили, это и еда, и удовольствие огромное. Когда была удачная рыбалка, делали на костре «подовухи». Это так делают северяне, а Гера нас научил. Поймав рыбу, надо быстро её распотрошить, выбросить кишки и голову, распластать её, разрезав от брюшка до позвоночника, но сохранив кожу. Получается мясо с кожей и косточками. Посыпать солью на одну-две минуты, а затем как бы хлопнуть по воде солью, слегка смыв её с рыбы. Прикрепить растянутую и уже слегка подсоленную рыбу на досточку гвоздиками и расставить досточки вокруг жаркого костра. И начинается волшебство. Во-первых, начинает стекать сок из рыбы и как бы заветривать первые слои мяса, во-вторых, рыба начинает розоветь, поджариваться до красивого цвета. Ведь рыба жарится быстро. А около костра уже висит дивный аромат от такой вкуснятины. И вот начинаешь отщипывать по чуть-чуть сбoku, сил нет дожидаться, когда же она поджарится окончательно. Ещё немного и готово. Едим – это что-то!.. Горячая, сочная, в меру солёная, шкурка так и отлетает, косточки сами выпрыгивают. И вкус, вкус необыкновенный! Но надо делать и так же расставлять вокруг костра следующую партию рыбы. Это будет еда на завтра, когда мы вновь поплывём на лодке, а также на случай дождя. В дороге будет только холодная, но всё же вкусная подовуха и чай.

Однажды я в лесу наткнулась на грибы: опята на пеньке и около него. Никто никогда их здесь не видел и не собирал, их была целая плантация. Я собрала, сколько мне было надо, и решила сварить суп с макаронами. Но ребята посмотрели на эти грибы с опаской, сказали, что это могут быть поганки. Я же точно знала, что это съедобные опята. Суп получился отменный, я покушала вечером, а ребята не стали его есть, какие-то консервы ели. Наутро я – живёхонька, и они доели этот суп.

Знатная рыбалка была у Германа. Он всегда любил прихвастнуть, а уж тем, что знал и любил, тем более. Ну, черта такая. Ещё в Москве он запасся кроме тонкой лески и мелких крючков ещё самой толстой леской (2 мм, кажется, если такая есть, не помню точно) и двойными якорями-крючками.

Мне было всё интересно, что он сделал. Я этого не видела никогда и не знала. Так у меня по жизни всегда: чего не знала, то хотела увидеть и узнать. Герман взял два якорных крючка, связал их проволокой, получился огромный якорь с четырьмя большими шипами. Перед этим ребята ходили на охоту, и он, имея в виду большую рыбалку, так, на всякий случай, убил на охоте белку. Содрал с неё шкурку, как чулок, а мясо выбросил. Нанизал эту белку на якорь шкуркой наружу, вот тебе и приманка на тайменя. Таймень – это хищная рыба крупного размера. Как потом объяснил Герман, таймень иногда питается мышами, которые бегают по скалам, он видит из-под воды мышь, выпрыгивает и хватает её. И вот мы расположили стоянку около огромных камней, скорее, даже небольшого утёса с каменной площадкой. А кругом тайга... Берег был крутой, в гальке весь, а ещё выше и выше уже на скалах – тайга. Ширина галечного берега была метров 30, а склон берега примерно 25 градусов. Весь вечер у костра были разговоры о рыбалке, и мы действительно слышали, как около нашего утёса плюхались огромные рыбы. Значит, правильное место Герман нашёл для рыбалки. Никаких снастей у нас в поездке не было, только леска и крючки. Всё делалось вручную: нужна удочка – подошёл к кусту и вырезал удочку, какую тебе надо. Гера знал места, где можно ловить, ведь он северянин, из Тикси. Всё его детство было среди рыбаков и местного населения.

Ребята ушли на рыбалку рано, я ещё спала. Слышу шум, ребята кричат, и вижу целое сражение с рыбой. Она была большая, ну, больше метра, силы необыкновенной. Гере хватило сил её поймать на этот якорь с белкой, подвести к берегу, а дальше тяжелющая, и ему не под силу, хотя ребята преклонялись перед его силой. Он, недолго думая, взвалил леску на плечо (он был, по-моему, в фуфайке) и, как мог быстро, побежал вверх по галечному берегу. Ему так хотелось, чтобы она не оторвалась и не уплыла назад, но, видно, хороший он сделал якорь. А откос, то есть берег, был очень крутой. Тут ребята пришли ему на помощь, но и рыба билась, как могла (это очень сильная была рыба). Рыба была побеждена! Ели до отвала, потому что надо было поскорее съесть её, так как холодильников никаких не было. Очень вкусная была рыба. Вот так вот: всё в жизни надо знать и уметь.

Очень странно, но чего только не бывает в поездках. Мишка Стрелов, который задержался в Москве, всё-таки объявился при странных обстоятельствах. Пока мы плыли под парусом по Енисею, а судов там не очень много, нас давно заметили капитаны теплоходов. Они ходят туда-сюда и видят, что мы в пути. Лодка, парус примитивный, но со Спасом наверху. Они уже терялись в догадках, что это за романтики? И дождь, и ветер, и холод – всё переносят. Таких здесь ещё не было, и Спас был большой и красивый, ребята постарались в росписи. А Мишка приехал в Красноярск и узнал, что мы где-то на реке, в дороге уже прилично по времени и расстоянию. Ведь тогда ни сообщить, ни позвонить не было возможности, только надежда на счастливый случай. Мы уже решили, что он не приедет...

Он сел на теплоход, человек он был общительный и находчивый, поговорил с капитаном. Капитан ему объяснил, что плывут тут какие-то люди под парусом расписным, встречали их несколько раз, но не знают, кто это. Мишка объяснил им, что это его друзья-художники, что он отстал и хочет к ним

присоединиться. Капитан ответил, что нет ничего проще, он через рупор на реке вызовет их, и друзья заберут его. Удивительно, как на одной из стоянок они заметили нас – ведь берега-то два, мы останавливались то на одном, то на другом. Наверно, бинокли были хорошие. Заметили и кричат в рупор, а по реке хорошо слышно: «Эй, художники, забирайте своего друга!». Ребята быстро прыгнули в лодку и поплыли на вёслах к теплоходу. С теплохода бросили лестницу, и наш Мишка оказался в лодке. Мы-то уже поднадоели друг другу, а тут – свежий человек. Все были очень рады! Замечу, что никаких разногласий и ссор никогда не было. Приличная команда.

Герман не очень задерживался на одном месте, он знал, что хорошая погода оборвётся сразу, и начнутся холода. Он хотел доплыть до Дудинки, а это очень далеко. Вот не помню, доплыл он до неё или нет, кажется, нет, холода начались.

Когда приехал Мишка, ребят стало больше, и дичи стали бить больше. Это были утки различные: кряквы, нырки и, по-моему, одну гагару подстрелили. Пух у гагары был такой плотный, еле ощипали, и жирная очень была. Встречались и рябчики, а один раз был лесной голубь, он ведь тоже питается ягодой и тоже вкусный, как рябчик. Когда дичь разыграли, он достался мне.

Однажды пристали к берегу, времени до вечера оставалось мало, быстро поставили палатки и принесли дрова, пока их было видно по берегу. Быстро взяли ружья и пошли на охоту на уток. Я осталась одна на берегу, но с костром, и стала готовить еду. А я, конечно, большая трусиха. Река и тайга рядом, а на берегу лишь я да костёр. Место новое, незнакомое. Пасмурный день, стало темнеть, а их всё нет. Один только просвет на горизонте, остальное – тёмное небо. И вдруг в этом просвете, с которого я не сводила глаз, далеко-далеко появились фигуры. У меня отлегло от сердца. Это шли ребята с охоты, за поясом висели утки, и разговоры, разговоры, как и положено у охотников. Поели, что я наварила, и до утра спать, а на следующий день все сидели и щипали уток – пух по ветру. Гера научил, что щипать надо в противоположную сторону от роста пера, научил и как потрошить правильно. Завалили дичь в ведро на варку, наелись. Такая удачная охота бывает редко. Оставшийся суп взяли с собой в лодку, и через некоторое время наш суп от холодной лодки и воды стал холодцом. Доедали его на ходу уже в виде холодца. По молодости да на свежем воздухе, да когда есть хочется – всё вкусно.

Как-то у нас хлеб закончился, а до посёлка километров 60 или больше, уже вечерело, и вот мы стали выбирать стоянку. Плывём недалеко от берега, и вдруг видим протоптанную тропинку, и ведёт эта тоненькая тропинка вглубь тайги. Знаем, что люди тут не живут, и по карте нет никакого посёлка. Пошли по тропинке, видим: на берегу стоят две лодки, да и тропинка свежая, значит, люди есть. Может, продадут нам хлеб. Углубились в лес, смотрим – изба из круглого леса, хозяйственные постройки и никакого посёлка. Я ещё обратила внимание: кругом красная брусника растёт не тронутая.

Навстречу нам вышел старик, крепкий такой. Поздоровались, спросили, можно ли у них купить хлеба. Он пригласил нас в дом, там у него жена, тоже в тёплых длинных штанах. Милая такая женщина. Он постарше, а она помоложе. Застеснялась, говорит, хлеб-то есть, только он не свежий уже, и отдала нам каравая три, кажется, и денег не взяла. Хозяин же принёс в глиняной

чашке солёных огурцов, огромных по размеру, и мёд. Эти люди были рады нам: «Кушайте, ребята!». Мы попили чаю, поговорили. Оказалось, дети у них в городе живут, редко приезжают, в прошлом году не были. Первая жена хозяина умерла, он привёз вот эту из посёлка, помоложе. Зима длинная, заходят и медведи, и волки. У них собаки, корова, лошадь, две лодки у берега, банька, стога сена и тайга. А ему ничего не надо, он живёт натуральным хозяйством. Удивился, как это мы заметили его тропинку с реки. Живут себе в труде и заботах, и счастливы. Уходя, мы дали ему патроны. И вот попробовали этот ржаной хлеб, а он на сметане замешан, и не хлеб это, а лепёшка сметанная: так и тает во рту. А женщина стеснялась, давая нам его. Наверное, хотела скотине скормить, да мы забрали у неё этот хлеб и съели с большим удовольствием. А в разговоре этот человек нам сказал: «Вы меня запомните на всю жизнь, моя фамилия Жаров». Вот я и запомнила. Вот такие люди в Сибири встречаются.

Я доехала до Вороново, и мне надо было отправляться в Москву. У меня с 1 сентября начинались занятия, а им ещё плыть целый месяц, у них занятия с 1 октября. Уезжала я одна на теплоходе до Красноярска, а там поездом в Москву. Они из своей поездки возвращались этим же путём.